

АНДРЕА КАМИЛЛЕРИ

ОХОТА ЗА СОКРОВИЩЕМ

Перевод М. Челинцевой



Москва
Издательский Дом
Мещерякова
2020

О том, что Григорио Пальмизано и сестрица его Катерина были набожными с младых ногтей, знал весь городок. Уж они-то ни одной службы не пропустят: ни утрени, ни вечерни, ни святой мессы, а могут и безо всякого повода заявиться в церковь, просто потому что приспичило. Аромат ладана, висящий в храме после богослужения, да запах свечного воска этим Пальмизано были милее, чем дух жаркóго для голодающего!

Всегда у скамей в первом ряду, всегда на коленях, но голову в молитве не склоняли, а держали прямо, глаза распахнуты, однако глядели не на большое распятие над главным алтарем и не на скорбящую Богоматерь у подножия распятия, нет, они не сводили глаз со священника: что делает, как двигается, как переворачивает страницы Евангелия, как благословляет, как разводит руками,

когда говорит «domino vobisco» *, а потом, в конце, «ite, missa est» **.

Правда в том, что оба хотели стать священниками, носить стихарь, столу ***, облачение, открывать створку дарохранительницы, держать в руке серебряную чашу, причащать верующих. Оба — включая Катерину.

И когда она сообщила матери, синьоре Матильде, кем станет, когда вырастет, та решительно поправила:

— Ты хотела сказать — монашкой.

— Нет, мама, священником.

— Вот те на! Почему же священником, а не монашкой? — спросила со смехом синьора Матильда.

— Потому что священник служит мессу, а монашка — нет.

Но вместо этого им пришлось помогать отцу — тот занимался оптовой торговлей продукта-

* Искаж. латынь: «Dominus vobiscum» — «Господь с вами». Одна из реплик богослужебного обряда на латыни. — *Здесь и далее прим. перев.*

** «Идите, [месса] окончена», завершающий распев латинской католической службы.

*** Стихарь, стола — элементы облачения католического священника.

ми и держал три больших склада, один рядом с другим.

После смерти родителей Грегорио и Катерина сменили вывеску и вместо макарон, соленой трески и банок с консервированными помидорами принялись торговать антиквариатом. Товар добывал Грегорио, обшаривая старые церкви в соседних поселках и наведываясь во дворцы к аристократам, из богачей ставшим голодранцами. Один из трех складов был набит распятиями — от нательных крестиков, что носят на цепочке на шее, до тех, что в натуральную величину. Было там и три-четыре пустых креста, огромных, тяжелых — из тех, что волокут на себе кающиеся в Страстную неделю, а размалеванные римские центурионы хлещут их плетью*.

Когда ему стукнуло семьдесят, а ей шестьдесят восемь, они продали все три склада, а часть барахла перетасили ночью к себе домой, на последний этаж здания рядом с муниципалитетом.

* На Сицилии широко распространен обычай в Страстную неделю разыгрывать костюмированные представления Страстей Христовых с участием актеров-любителей из числа местного населения.

Квартира была просторная — шесть комнат и балкон, на который они никогда не выходили: слишком большая для брата и сестры, хранивших безбрачие, да и племянников у них не было.

Религиозный пыл от навалившегося безделья лишь окреп и вырос. Они выходили из дому, только чтобы посетить церковь: торопливо шагали рука об руку, опустив голову, не отвечая на приветствия, а по возвращении с мессы немедленно запирались и держали ставни всегда закрытыми, словно в доме вечный траур.

За покупками у них ходила одна женщина — раньше она прибиралась на складе. В дом заходить ей не позволялось. По утрам она находила приклепленную ко входной двери записку, в которой Катерина писала, что им нужно, а под ковриком лежали деньги.

Вернувшись, служанка оставляла пакеты под дверью, стучалась и, крикнув «Покупки!», уходила.

Телевизора у них не было, и даже в ту пору, когда они еще торговали антиквариатом, никто не видел у них в руках ни книги, ни газеты — только молитвенник: в точности как делают священники.

Прошло лет десять, кое-что изменилось. Пальмизано больше не выходили из дому, не посещали церковь, не выглядывали на балкон, даже если по улице шла процессия в честь святого покровителя городка.

Вся связь с внешним миром велась (записками и окликами) через служанку, приносившую покупки.

Однажды утром жители Вигаты заметили, что между первым и вторым балконами квартиры Пальмизано появился большой белый плакат с надписью печатными буквами:

«ПОКАЙТЕСЬ, ГРЕШНИКИ!»

На следующее утро между вторым и третьим балконами был вывешен второй:

«ГРЕШНИКИ, МЫ ВАС ПОКАРАЕМ!!»

А спустя неделю появился третий, во всю длину балконов, самый пространный:

«ВЫ ПОПЛАТИТЕСЬ ЖИЗНЬЮ ЗА СВОИ ГРЕХИ!!!»

Увидев третий плакат, Монтальбано забеспокоился.

— Не смей меня! — сказал ему Мими Ауджелло. — Это всего лишь пара выживших из ума старичков, повернутых на религии!

— Кто знает!

— Что тебя смущает?

— Восклицательные знаки. Был один, а стало три.

— И что с того?

— А то, что они дали грешникам срок. Это было последнее предупреждение.

— Кто же будут эти грешники?

— Все мы грешники, Мими. Или ты забыл? Не знаешь, у Грегорио Пальмизано есть разрешение на оружие?

— Схожу проверю.

Почти сразу вернулся, помрачневший.

— Разрешение у него есть. Запросил, когда был антикваром, ему и выдали. Револьвер. А еще он заявил про два охотничьих ружья и пистолет, после отца остались.

— Так. Завтра узнай у Фацио, какую церковь они посещали, и пойдди поговори с пастором.

— Он же связан тайной исповеди!

— А ты и не должен выведывать тайны, просто спроси его мнение: как сильно они слетели с катушек и опасно ли все это. А я пока позволю мэру.

— Зачем?

— Пусть пошлет человека к Пальмизано, чтобы убрали плакаты.

Городской страж Ландолина явился к дому Пальмизано часам к семи вечера. После выпуска новостей показывали матч «Палермо», и ему не терпелось скорее покончить с заданием, чтобы вернуться домой, поужинать и расположиться в кресле перед телевизором.

Постучал, никто не открыл. Ландолина был мужик упертый и настырный, к тому же время поджимало, поэтому он продолжал стучать изо всех сил кулаком, а потом начал пинать дверь ногами, пока не раздался старческий голос:

— Кто там?

— Муниципальная полиция. Открывайте!

— Нет.

- Немедленно открывайте!
- Убирайся живо, не то хуже будет!
- Прекратите угрожать и откройте дверь!

Грегорио больше не стал угрожать, а просто пальнул в дверь из револьвера.

Пуля оцарапала полицейскому голову, тот развернулся и дал деру.

Сбежав по лестнице и выскочив на улицу, он угодил в толпу вопящих, негодующих, молящихся и причитающих людей — Грегорио и Катерина затеяли с балконов пальбу по прохожим.

Так началась осада бастиона Пальмизано силами правопорядка в составе Монтальбано, Ауджелло, Фацио, Галло и Галлуццо. Толпа зевак все прибывала, еле сдерживаемая в сторонке муниципальной полицией. Через часок подоспели журналисты и местное телевидение.

К десяти вечера, принимая во внимание тот факт, что даже вооруженный мегафоном мэр не сумел убедить двух старых святош сдаться властям, Монтальбано принял решение штурмовать бастион и послал Фацио изучить подступы к балкону с крыши или из соседней квартиры.

Потратив целый час на обстоятельный осмотр и разведку местности, Фацио вернулся и доложил, что добраться до крыши или балкона через соседние квартиры никак не получится.

Тогда комиссар набрал с мобильного Катарелле.

— Позвони пожарным в Монтелузу...

— У вас, что ли, горит, синьор комиссар?

— Дай договорить! Пусть приедут с лестницей, надо попасть на пятый этаж.

— А, так это на пятом этаже загорелось?

— Да нет никакого пожара!

— А зачем тогда пожарные? — невозмутимо продолжал вопрошать Катарелла.

Комиссар выругался и нажал отбой. Набрал номер пожарных, объяснил, что ему нужно.

Дежурный спросил:

— Вам это срочно?

— Ну конечно!

— Видите ли, две машины с лестницами заняты. Могут быть в Вигате, скажем, через часок. А прожектор мы мигом подгоним.

«Мигом» означало еще час потерянного времени.

Тем временем Пальмизано продолжали свои экзерсисы, время от времени паля то из ружья, то из револьвера.

Привезли, установили и включили прожектор.

Фасад здания залило резким голубоватым светом.

— Спасибо, комиссар Монтальбано! — отозвались телеоператоры.

Выглядело все так, будто вот-вот начнут снимать кино.

Лестница, появившаяся только после часа ночи, достала до украшенного плакатом балконного парапета.

— Ну, я полез, — сказал комиссар. — Фацио, ты со мной. Мими, бери Галло и Галлуццо и идите к двери. Пока я буду отвлекать их со стороны балкона, постарайтесь выломать дверь и войти.

Едва он поставил ногу на первую ступеньку, Грегорио, внезапно высунувшись, пальнул из револьвера. И снова исчез. Монтальбано, мигом укрывшись в парадном, сказал Фацио:

— Пожалуй, лучше я один полезу. Оставайся тут, прикрой меня огнем.

Фацио продырявил выстрелом плакат; комиссар поднялся на одну ступеньку. Держался он одной левой рукой — в правой был зажат револьвер. Лез медленно и осторожно.

Когда он добрался до четвертого этажа, Григорио снова высунулся, несмотря на выстрелы Фацио, и пальнул, едва не попав в комиссара.

Монтальбано инстинктивно вжал голову в плечи и нечаянно бросил взгляд вниз. Его вдруг пробрал ледяной пот, в голове зазвенело, и он чуть не свалился. Из самого нутра подступила к горлу тошнота. Комиссар понял: это приступ головокружения. Никогда ими не страдал, а тут, в самый неподходящий момент, на тебе. Старость, не иначе.

Долгую минуту он стоял зажмурившись, не в силах шевельнуться, потом, стиснув зубы, снова двинулся вверх, еще медленнее, чем прежде.

Добравшись до балконного парапета, он резко выпрямился, готовый выстрелить, но оказалось, что на балконе никого нет. Видимо, Григорио вернулся в дом, прикрыв за собой балконную дверь. Наверняка устроил засаду, целится в него сквозь жалюзи.

— Вырубите прожектор! — крикнул комиссар.

Перепрыгнул парапет и упал навзничь. Грегорио тут же пальнул, но внезапно погасший слепящий свет лишил его зрения, и он стрелял наугад. Монтальбано тоже выстрелил, хотя и он ничего не видел. Постепенно глаза привыкли к темноте. Но вскакивать и бежать к балконной двери, паля из револьвера, он не собирался: на этот раз Грегорио наверняка бы его подстрелил.

Пока он гадал, как быть, Фацио перескочил через парапет и растянулся ничком рядом с ним.

Выстрелы теперь слышались внутри квартиры.

— Это Катерина. Стоит у двери и лупит по нашим, — вполголоса пояснил Фацио.

На балконе было почти пусто — ни цветочного горшка, ни белья на веревке — ничего, за чем можно было бы укрыться. Комиссар заметил три или четыре длинные железные опоры, оставшиеся, видимо, от старой садовой беседки.

— Что будем делать? — спросил Фацио.

— Беги и хватай одну из тех железных штук-вин. Если не проржавела насквозь, выломаешь ею балконную дверь. Дай мне свой револьвер. Готов? Раз, два, три, пошел!

Они вскочили, и Монтальбано принялся палить из обоих стволов, при этом ощущая себя довольно нелепо — ни дать ни взять шериф из вестерна. Потом присоединился к возившемуся с дверью Фацио, продолжая стрелять, но уже по жалюзи. Наконец дверь распахнулась, и комиссар с помощником утонули в непроглядной темноте: большая комната, в которую они вломились, была едва освещена тусклым огоньком стоявшей на столике лампы. В доме давно не было электричества — наверняка отключили за неуплату.

Где же укрылся старый псих?

Через несколько комнат послышались выстрелы из ружья. Это Катерина противостояла попыткам Мими, Галло и Галлуццо выбить входную дверь.

— Возьми ее с тыла, — сказал комиссар, возвращая револьвер. — А я пойду поищу Грегорио.

Фацио нырнул в темный коридор.

В комнате была еще одна дверь, она была закрыта, и комиссар почему-то был уверен: старик затаился за ней. Он неслышно подкрался и повернул ручку; дверь слегка приоткрылась. Но выстрела не последовало.

Тогда комиссар резко распахнул дверь, одновременно отскочив в сторону. Ноль реакции.

Что делает Фацио? Почему старуха все палит?

Он перевел дух и вошел, пригнувшись, готовый выстрелить. А когда очутился внутри, перестал понимать, где находится.

В комнате была целая чаща, но чего?

Комиссар вдруг понял, и его охватил необъяснимый страх.

При свете лампадки он увидел десятки всевозможных распятий на деревянных подставках, от метровых до таких, что упирались в потолок, все вместе они напоминали густую чащобу со сплетенными ветвями; они стояли в беспорядке, то лицом к лицу, то затылок в затылок, а то перекладина одного креста упиралась в перекладину соседнего.

Комиссар сразу понял: Грегорио там нет, вряд ли он стал бы стрелять в этой комнате, рискуя повредить одно из распятий.

Его сковало страхом, словно мальчугана, залезшего в пустую церковь, освещенную лишь парой свечей. В глубине, через открытую дверь,